

А.М. Фими́на
Студентка 1 курса
юридического факультета
ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет»

Ю.И. Ермилов
Преподаватель ИПБИ
им. Св. ап. Иоанна Богослова
и Ивановского художественного
училища им. М. И. Малютина

Правосознание россиян глазами начинающего юриста

В статье рассматривается путь формирования правосознания современных россиян в историческом развитии. Отмечается, что самые глубинные «слои» правосознания, его «фон» к счастью, остаются в народе почти нетронутыми на протяжении столетий. Это основанные на христианских принципах миролюбие, сочувствие к чужой боли, умное терпение, позволяющее естественным путем создавать в личности особый идеал социальной и бытовой справедливости независимо от правовой грамотности.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, общество, россиянин, идеология.

Проблема правосознания и правовой культуры в нашей стране будет актуальной ещё очень долгое время. Дело в том, что юридическая грамота в СССР для основной массы населения была в принципе не нужна. Система общественных отношений сложилась в такой форме, которая не предполагала какого-либо, хотя бы элементарного разнообразия в политической, социальной, экономической, культурной и других сферах. В

органы управления избирался «один из одного» кандидатов, жёсткие рамки субординации не позволяли даже предполагать какие-либо нарушения закона со стороны высших лиц и организаций. Советский социалистический строй был «самым гуманным и справедливым» за всю мировую историю. Поэтому сам факт повышения именно юридической грамотности автоматически воспринимался и «простыми» людьми, и компетент-

ными органами как нечто подозрительное, вызывающее сомнение в чистоте и честности людей, интересующихся таким «узко-профессиональным» вопросом.

Подобное отношение к правосознанию в России, как нам кажется, имеет очень давнюю историю. Взлет адвокатуры в конце XIX века резко расширил, было, границы общегражданского уважения к этой профессии. Но возвращение к государственному правовому нигилизму 1917 года вернуло людей в состояние юридического Средневековья, когда все, накопленные веками, европейские принципы права, собранные по крупицам и воспринятые обновляющейся Россией как нормальная и нужная реальность, были в одночасье попорчены.

Новая система «правосознания» - революционная - подразумевала так называемую «классовую правду», где социальное положение человека либо само по себе делало его преступником, либо избавляло от обвинения в преступлении.

Для большинства граждан всех сословий христианское отношение к ближнему, основанное на справедливости и милосердии с одной стороны, и на неотвратимости наказания преступившему закон с другой, были не только формальной нормой, но и нравственным законом. Рабоче-крестьянская революционная система ценностей поставила все с ног на голову. Массовые репрессии и конфискации у представителей имущих слоев населения, физическое уничтожение священства и осквернение храмов с насильственным изъятием церковных ценностей, раскулачивание и коллективизация – всё это поставило отношение населения страны к зако-

ну под вопрос. И хотя создавались новые законы и указания к ним, человек по совести своей не мог понять, как, например, благодетель сирот и бедняков, содержащий для них школу и больницу, может быть расстрелян за его принадлежность к дворянству, а тот, кто его расстрелял без суда и следствия в революционном угаре, оправдан и даже за это поощрен.

Подобные случаи стали нормой на несколько лет, трансформируясь в мирное время в другие бесчеловечные явления, которые в свою очередь как бы поддерживались законом. Более того, система стукачества, ставшая нормой, позволяла решать вопросы, не бывшие в их компетенции, и таким образом влиять не только на конкретные судьбы людей, но и на перспективы развития науки, культуры, экономики.

Сейчас очевидно, что абстрактные революционные идеологемы началом своим имели чисто литературные - заведомо выдуманные – источники, базирующиеся на интерпретации эмоциональной оценки справедливости и несправедливости, на искусственно сконструированных позициях, где принадлежность к социальной группе является основой понятия об истине, а значит и о законе.

История помнит, как академик Н. Вавилов, создав уникальный фонд семян растений земного шара, и тем самым утвердивший будущее развитие сельского хозяйства страны на многие десятилетия вперед, был за это расстрелян в соответствии с законами того времени: ведь генетика, в которой он был одним из лучших мировых специалистов, считалась тогда в СССР буржуазной лженаукой, а со-

ответственно, ее приверженец – вредителем, «врагом народа». Подобные факты вопиющей несправедливости имели место во всех ареалах жизни СССР: расстреляна партийная элита, командармы и высшие офицеры, расстреляны или насильно высланы русские философы – цвет интеллекта России. К так называемым простым людям, имевшим привычку к труду – кулакам применены репрессии (высылка в Сибирь, расстрелы, конфискация имущества). Все это не могло не породить недоверие к закону.

Мы не знаем точно, когда возникла поговорка: «Закон, что дышло – куда повернет, туда и вышло», но знаем, что она была актуальна до самого последнего времени, что и сейчас она не воспринимается как анахронизм.

Нам представляется очень важным указать и на то, что не только фантастичность революционных установок поставила необходимость правового сознания под сомнение. Многие ментальные свойства русского человека как минимум не способствуют повышению правосознания. «Бес попутал», «черт дернул», «авось пронесет» – это не выдумка писателя, а, к сожалению, народная мудрость.

Отношение к закону вообще и к законопослушанию, в частности, в России всегда было специфическим. Об этом ярко и почти документально точно свидетельствует русская литература золотого и серебряного веков, и даже некоторые произведения древнерусской литературы. Так «Слово о законе и благодати» митрополита XII в. Илариона явно указывает на приоритет нравственно-мистического основания при опреде-

лении судьбы преступившего закон. [8, 27-62] «Милости хочу, а не жертвы!» – эти слова Иисуса Христа очень любят повторять до сих пор и священники, и миряне, подразумевая не только бытовое прощение на родственном или дружеском уровне, но и чисто юридическое отношение к наказанию, где прощение становится поступком с большой буквы, заменяющим (как бы адекватно) статью закона.

Если взглянуть на всем известные – из школьной программы – произведения А.С. Пушкина или М.Ю. Лермонтова с этой – юридической – стороны, то сразу станет очевидной другая грань всепрощенничества: очевидное сочувствие к самому преступнику и даже к определенному кругу преступлений, где явно незаконная «справедливость» или лихачество воспринимаются и героями произведений, и читателями с пониманием и внутренним пиететом. Таков разбойник Дубровский, таков и похититель Бэлы Печорин, готовый застрелиться за карточный долг, но не способный элементарно по-человечески сочувствовать девичьей чистоте и красоте, а от этого – и понятию несправедливости и в бытовом, и в юридическом смысле. [4, 142-209], [3].

Песни (народные!) о Степане Разине, не просто сочувственные, а героические, не только подразумевают игнорирование закона в душе человека, но и находят некое удовольствие в его нарушении. [7]. Конечно, и у англичан есть Робин Гуд, есть и Тиль Уленшпигель у фламандцев, но некая грань, способная отделить безраздельное преклонение перед девиантно-деликвентным поступком и

отчужденное сочувствие к этому поступку, который не пускают к себе ближе необходимого расстояния – совершенно разные социальные установки.

Отношение к правосознанию и к правовой грамоте в России неоднородно, хотя и носит в общем-то волюнтаристский характер, но различается по содержанию в разных социальных группах. Естественно, уровень образования, а тем более образованности сам по себе вынуждает человека быть вообще более грамотным в социальных вопросах, а значит и в законопонимании. Но это еще не гарантирует человеку личной юридической ответственности, особенно в нашем случае, когда общенациональное влияние на гражданина подспудно может оказаться сильнее его рассудочных, чисто логических установок.

Даже беглое сравнение Русской Правды [6, 7-9] (в разных кодификациях) и, например, законов государства Тан, [9, 504-518] показывает, что последние отличаются не только тщательностью и разработанностью, но и включают в себя целый ряд позиций, которые приращивают или убирают (ослабляют) вину. При этом высокий ранг, или статус человека в большинстве случаев не освобождает его от ответственности, даже наоборот. Сама нерасчлененность Русской Правды на тематические разделы указывает на её условность во многих случаях.

Для поиска верного судебного решения с помощью Русской правды необходимо совершить массу лишних операций, чтобы найти нужную статью, формулировка которой часто может оказаться если не двусмысленной, то расплывчатой. Отчасти это

является следствием того, что решение принимается князем – лицом высшего властного уровня, что в любом случае позволяет ему интерпретировать основание для решения по своему. Возможно, именно этот факт стал одной из причин свободно-недоверчивого отношения на Руси к букве закона.

Так или иначе, но и уровень развития языка, несомненно влиял на уровень развития правосознания. Древние документы, летописи, вообще большинство текстов вплоть до конца XVIII века представляют из себя в большинстве случаев стилистически тяжелые, неотработанные речевые конструкции, избыточные вербализмами и игнорирующие текстуальность. Зачастую их язык сочен, ярк, остроумен и при этом стремится к канцеляризму, что авторам документов представляется неким шагом вперед. Лишь когда складывается литературный язык в начале XIX века, тогда и законоведение и законотворчество обретают прочную лингвистическую основу. Но она уже становится достоянием специалистов в большей мере, чем это было за сотню лет ранее. Например, Петровский военный артикул достаточно ясен и недвусмыслен, язык его точнее, нежели в других гражданских документах и почти не требует расшифровки: он понятен не только офицерам, но и неграмотным солдатам. Им можно учить и воспитывать. [1, 162-186]

Тем не менее, такое традиционное понятие, как вера в доброго царя, до сих пор пользуется популярностью в России, под неё регулярно переписывается история, и все, что происходит в стране по объективным зако-

нам, получает в массах мифологизированную интерпретацию, где даже вопиющее беззаконие вождя находят искреннюю поддержку.

Если в тексте Великой Хартии вольностей, при всей ее импровизационности с современных позиций, присутствует твердое и ясное представление о законе, который превыше короля и любого другого лица высокого ранга, то это означает не только реальный рост гражданского самосознания, но и изменение его до такой степени, когда жертва личным осознается как государственная необходимость, от которой в итоге выигрывают все. [2, 330 – 338] Экономический фактор и личная сиюминутная выгода становятся не единственными точками отсчета в развитии практической юриспруденции.

Русская Правда оперирует термином «обида», который часто является ключом и к статьям, не имеющим касательства к восстановлению чести, достоинства и справедливости. Древнейшие дохристианские представления о законности проникают сквозь эпохи истории в настоящее и будущее, оставляя в них парадоксально неуместный след. Но здесь, думается, важную роль играет применение закона, буква которого, как бы точно и определенно не была обозначена, получает качественную практическую характеристику в виде судебного решения и его оценки обществом. Неудивительно, что во время крестьянских и казацких восстаний бунтовщики покушались на все самое святое, чем жил русский народ: на церковь и её служителей, на иконы и монастыри, на семью, брак и человеческую жизнь. Возможность самозванцам выдавать себя за царей, не

имея при этом элементарных высокородных признаков ни в манерах, ни в уме, ни в государственных делах, говорит о том, что и сами представления о реальной власти и её носителях были далеки от действительности. [5, 330 -331, 420 – 421, 428 – 429, 454 – 455] В этом контексте мы до сих пор наблюдаем, как фактические легенды о системе мирового порядка, включающего и общероссийский, легко и просто объясняют большинство проблем экономики, социальной сферы и политики, забывая о том, что каждая из этих позиций требует не просто констатации факта, но повседневного научного изучения и анализа всех её составляющих.

Нам кажется, что подобный комментарий необходим, так как через него открываются некоторые свойства российского национального характера, сразу же приходящие на ум, когда упоминается что-то, имеющее отношение к западной культуре, в данном случае вопросы правосознания, которые в современном виде пришли к нам с Запада. Но сразу же необходимо сделать оговорку: не все, что воспринимается у нас в стране с иронией и даже с сожалением, требует неременной уничтожающей критики и европейского презрения. Надо помнить, что наш национальный менталитет породил множество способов решения (или «не решения») юридических проблем в пределах дружеского, бытового или делового общения. Вспоминая, как дореволюционные купцы «били по рукам», а не заключали письменный договор, и, кстати, исключительно редко были обмануты, почти никогда. Понимаешь, что многое в нашей нынешней и будущей законотворческой практике должно

рассматриваться не совсем с тех же точно позиций, с которых происходит развитие и становление западной юриспруденции. У нас разные исторические, а значит, и ментальные истоки. Не зря у нас буква закона, общая для всех стран, зачастую на практике интерпретируется весьма неожиданно.

Вопросы правовой культуры в любой стране, а особенно в России, обязательно сопряжены с правосознанием. Не секрет, что многие не различают правосознание и правовую культуру. Это происходит не только от недостатка соответствующих юридических знаний, но и от реального уровня восприятия социальных явлений в обществе. Этот уровень может быть достаточно высоким, но мало или не совсем соответствовать официальному идеалу общественного и личного правосознания.

Современное состояние правосознания и правовой культуры у жителей постсоветской России представляет из себя несколько «слоев», тесно связанных с социально-стартовой принадлежностью и с типом преобладающей традиции, участвующей в воспитании человека со стороны семьи и ближайшего окружения.

Правосознание в России еще совсем недавно, в советскую эпоху ассоциировалось с понятием «сознательность», хотя оно и включало в себя, кроме правового, еще и целый ряд аспектов, связанных с нравственной самоидентификацией человека, для которого преступить закон – как минимум, проблема. При этом явно выражалось на всех уровнях негативное отношение к криминалу, отчуждение от его представителей в быту и

на работе, нежелание даже случайно общаться, тем более, иметь с ним какое-то дело.

Конец 80-х – начало 90-х принес в нашу страну совершенно новые представления о законности личной и государственной. Изменение отношения населения страны к внешнему правопорядку и к внутреннему правосознанию совершалось по нескольким линиям. Вот некоторые причины юридической переориентации населения России.

Введение новых статей, карающих за вмешательство в личную жизнь и в частные дела интимного и экономического характера – отсюда элементы вседозволенности в перспективе личностного волюнтаризма.

Отмена некоторых статей, считавшихся естественно-необходимыми, или изменение некоторых их пунктов (возрастные ограничения): гомосексуализм, развратные действия, спекуляция (торговый бизнес), предпринимательство (подпольное производство) и прочее.

Резкая отмена или снижение планки таких понятий как «моральный облик», «моральная устойчивость», «сексуальная разнузданность», «честность», «человек слова и дела», «скромность», «воспитанность», «деликатность» и т.д., имеющих прямое отношение к склонности или несклонности к криминалу. В данном случае это проблема личной сдержанности в повседневных поступках по отношению к окружающим, которая вынуждала человека в прошлом следить за своим поведением и личной дисциплиной, а это воспитывало дух уважения к закону независимо от юридической грамотности индивида. Исключение из бытия понятия «поря-

дочность» вопреки реальной необходимости являлось дополнительным стимулом в деградации правосознания.

Введение правила: «разрешено все, что не запрещено». Молодой кодекс законов России не мог реально отразить весь спектр возможных допусков и запретов на еще не сложившуюся социальную и нравственную ситуацию. Поэтому возникли и «пирамиды», и банки, и разные другие сообщества с сомнительной экономической, перспективной и с броской рекламой, а в итоге - масса людей с поломанными судьбами, у которых отношение к праву деформировалось.

Засилье рекламы заведомо дезинформирующего характера и непристойного содержания, что фактически стало пропагандой обмана, махинаций, «раскрепощения» индивида и свободы интимных отношений. Все это очень настойчиво отучало людей от желания работать и принуждало отдыхать – «оттягиваться по полной». Стиль жизни и структура ее смыслов поменялись полюсами. Молодежь уже не видела примеров трудолюбия рядом с собой, но наблюдала иные способы обогащения, более привлекательные.

Формальное равновесие любых взглядов и принципов и фактический приоритет рискованного – на грани криминала, стиля общественно-социального поведения, позволяющего безобидно и без ответственности находиться и в работе, и в отдыхе на грани преступления, и даже переходить эту грань.

Полный отказ от совести во взаимоотношениях: если поступок не карается законом, то его обществен-

ное осуждение не воспринимается как личный реальный грех, а порицание проходит мимо сознания, не оставляя следа. Это можно назвать комплексом Остапа Бендера, знавшего массу способов обогащения, которые не затрагивают уголовный кодекс.

Отсутствие четко сформулированной идеологии, позволяющей самым молодым строить правовую константу самореализации в жизни относительно какой-то ясной и уважаемой точки отсчета, которая не будет кардинально меняться на протяжении жизни.

Самые глубинные «слои» правосознания, его «фон» к счастью, остаются в народе почти нетронутыми на протяжении столетий. Это основанные на христианских принципах миролюбие, сочувствие к чужой боли, умное терпение, позволяющее естественным путем создавать в личности особый идеал социальной и бытовой справедливости независимо от правовой грамотности.

Нестабильность политического состояния общества всегда заглушает практическую реализацию правосознания и ослабляет правовую культуру как общества, так и личности. Таким же образом действует и экономический кризис, ставя под сомнение не только стабильность бытия, но и законность. Но это совсем не значит, что правосознание субъекта и его правовая культура падают, изъязвляются. В любом случае, если есть и правосознание, и правовая культура, то они во всякой ситуации черпают для себя нечто нужное, при этом ничего не теряя.

Итак, «средний» россиянин десятилетия XXІ века:

– относительно законопослушен;

- избегает острых криминальных ситуаций;
- при возможности украсть без свидетелей сделает это;
- не доверяет правоохранительным органам в вопросах его защиты от криминала;
- признает (с неудовольствием), что вынужден самообороняться от криминала, возможно превышая необходимую оборону;
- во многих случаях не понимает смысл решения суда, так как оно не соответствует его понятиям о справедливости;
- начинает постепенно понимать, что криминальные народные герои – не предмет для восхищения и подражания;
- надеется на торжество справедливости.

Библиографический список:

1. Артикул воинский 1715 г. апреля 26 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права.- М.,2003.

2. Великая Хартия Вольностей 1215 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М., 2001.

3. Герой нашего времени. // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 6 т. т. Т. 6. – М.,1950.

4. Дубровский. // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. т. Т 6. – М.,1978.

5. Костомаров Н. Смутное время Московского государства. – М.,1994.

6. Правда Роськая. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права X в. – 1917 г. – М.,2003.

7. Русские народные песни. – М., 1988.

8. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. // Древне-русская духовная литература в 3 т.т. Т 1. - М.,2004.

9. Уголовные установления Тан. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М., 2001.

©Фимина А.М., Ермилов Ю.И., 2015

